

«Там водчий виждет храм молитвы,
Каменосечец царский зрак,
Геройски живописец битвы
Одушевляет на стенах. . .»

«Многие архитекторы, скульпторы и живописцы вышли из академии, бывшей под начальством Бецкого», — объясняет Державин.

* *
* *

После того как идеалы классицизма нашли свое совершенное выражение в искусстве революционной Франции, в живописи Давида, в эмблематике и символикe народных шествий и празднеств — русский двор как бы потерял вкус к политической аллегории. Идеальная любовь, дружба, грусть, воспоминания стали излюбленными темами придворного искусства. Пейзажи прославленного живописца руин Гюбера Робера, после революции напичканного несколькими картинами, посвященными «развалинам» Версаля, пользовались особым успехом у русских вельмож. В коллекции Юсупова было 33 картины Робера. На одной из этих картин, находящейся сейчас в Эрмитаже, изображен полуразрушенный храм Венеры со статуей богини, окруженный развалинами дворцов. Быть может, стихи Державина «Развалины» стоят в некоторой связи с этой картиной.

Дидро определил символический смысл пейзажа с руинами таким образом:

«Les idées que les ruines réveillent en moi sont grandes. Tout s'anéantit, tout périt, tout passe. Il n'ya que le monde qui reste. Il n'ya que le temps qui dure. . . La solitude retentira de ma plainte. . .»¹

Та же идея выражена в начальных строках и в заключительной строфе стихотворения «Развалины».

«Вот здесь, на острове Киприды,
Великоленный храм стоял,
Столпы, подзоры, пирамиды
И купол золотом сиял. . .

.
Вот здесь хранилися кумиры,
Дымилась жертвой алтара. . .

.
Но здесь ее уж ныне нет;
Померк красот волшебных свет,
Все тьмой покрылось, запустело;
Все в прах упало, помертвело.

¹ Diderot. Oeuvres, 1798, t. 14, p. 405. «Развалины пробуждают во мне глубокие мысли. Все исчезает, все гибнет, все проходит. Только мир продолжает существовать, только время длится. . . В одиночестве прозвучит моя жалоба. . .»